

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

«Колокола»... хороший шаг вперед от «Сиверко»... Читатель... почувствует, когда Вы ему покажете себя таким, каков Вы есть, — человеком, который одержим желанием показать людям горькую, страшную, смешную, жалкую, радостную и всяческую иную правду, как Вы ее видите, чувствуете.

М. Горький. 13 мая 1926 г.

I

Иван Евдокимов — вдохновенный певец революционного переустройства мира и воинствующий защитник искусства древней Руси, большой знаток деревянного зодчества и живописи русского Севера, известный советский искусствовед и писатель, и, наконец, талантливый биограф, создавший памятные портреты выдающихся русских художников... Кто знает теперь его имя, кто из современных читателей сможет назвать два-три известных хотя бы понаслышке произведения Ивана Евдокимова? Даже всезнающим краеведам не очень-то хорошо знакома монография «Север в истории русского искусства», ставшая в наши дни библиографической редкостью... А кто читал романы, повести, рассказы Ивана Евдокимова, кто знаком с его книгами о Борисове-Мусатове, Врубеле, Сурикове, Репине, Крамском, Левитане?..

Литературное наследие Ивана Евдокимова во всем его объеме остается неизвестным даже знатокам советской литературы. А ведь есть еще немало других сфер его деятельности. Можно говорить о Евдокимове-издателе, стоявшем у самых истоков нового социалистического искусства, о его литературно-критической работе. Особая и мало кому известная страница — Евдокимов-мемуарист, остро характеризующий литературный процесс двадцатых годов. Наконец, еще и не поставлен вопрос о характере взаимоотношений молодого, жаждавшего сказать свое слово о революции писателя со старшим поколением советских литераторов — М. Горьким и Д. Бедным, А. Луначарским и А. Воронским, Сергеевым-Ценским и М. Пришванным, с литераторами, изображавшими революционные перемены молодой России и вносявшими свой вклад в создание ха-

рактера нового человека, — Д. Фурмановым, Ф. Гладковым, Вс. Ивановым, А. Веселым, Л. Леоновым...

Расцвет творческой деятельности Ивана Евдокимова падает на вторую половину двадцатых годов, когда один за другим создаются и выходят в свет повесть «Сиверко», роман «Колокола», когда трудно развертывается в цельное повествование трехтомный роман «Заозерье»... Это годы самого высокого взлета и небывалого успеха писателя, годы становления Евдокимова как бытописателя первой русской революции и как певца города и деревни в бурные дни Великого Октября. В это время имя Евдокимова не сходило со страниц печати. Он был одним из наиболее активно читаемых писателей. Высоко отзывалась о нем и тогдашняя придирчивая, мало доказательная, а часто и очень злая критика.

Успех этот сменился неудачами. Они начались с романа «Чистые пруды» и затянулись надолго, почти на целое десятилетие. За «Чистыми прудами» следовал роман «Зеленая роща», затем повесть «Дорога», документальное повествование «Архангельск», автобиографическая повесть «Портрет Василия Мещерина», роман «Жар-птица»... Но критика как сменила милость на гнев, так и остановилась на этом. Вернее сказать, критический пафос даже возрастал — начали появляться статьи фельетонного характера. В своих разносях критика не оставляла от писаний Евдокимова камня на камне...

В этих условиях писатель сначала возвращается к искусствоведческой деятельности и создает книгу «Суриков», затем разрабатывает жанр биографической повести — «Репин», «Левитан», «Крамской», а незадолго до смерти завершает работу над первой книгой большого биографического романа «Михаил Лермонтов»...

Можно ли доискаться до причин такой сложной творческой судьбы писателя, которая познала и стремительный взлет, и большие неудачи? Вскоре наступило горькое и несправедливое забвение самого писателя. И продолжается это забвение почти полвека. Книги Ивана Евдокимова не издаются, литературное наследие не изучается, имя писателя как автора широко известных в свое время произведений даже не упоминается в истории советской литературы.

Трудно ответить на все эти вопросы однозначно. История литературы знает не один пример, когда вслед за большим успехом бесконечные неудачи преследовали писателя. Особенно часты такие случаи у истоков советской литературы, среди писателей, в ряду которых начал свой путь Иван Евдокимов. Хорошо известны теперь трудности, с какими шли к изображению нового мира Б. Пильняк, В. Шишков, И. Бабель, А. Веселый. Громадный успех повестей Л. Сейфуллиной двадцатых годов сменился трудностями совмещения «творческого пульса» с развитием литературы в тридцатые годы. На высоты большого искусства не суждено было подняться в это время и Ивану Евдокимову, но его искания как художника у истоков советской литературы, вклад писателя в ее развитие заслуживают самой высокой оценки.

Когда вскоре после окончания великой войны с фашизмом мне впервые довелось слышать имя Ивана Евдокимова и впервые читать его знаменитую книгу «Север в истории русского искусства» и роман «Колокола», в Вологде еще жили люди, знавшие писателя лично. Некоторые видели его, еще совсем юного, на Зеленом Лугу, на грязных рабочих окраинах, другие встречали на городских бульварах уже в студенческой форме. Можно было услышать и расска-

зы о трудно пережитых годах гражданской войны, о совместной службе в Молочном. Всякие мои попытки узнать подробности жизни писателя, особенности его личности оставались безуспешными. Мои собеседники или уклонялись от ответов или, вероятнее всего, немногое знали. Больше говорили об отце писателя, о его необыкновенной предпринимчивости в торговле, чем о таланте его сына. Мне даже казалось, что на жизнь семьи Евдокимовых в Вологде старались накинуть пелену загадочности, таинственности и уже этим бросали тень на творчество писателя. Даже старожилы, всегда с гордостью готовые вспомнить своих выдающихся земляков, охотнее всего говорили о неудачах Ивана Евдокимова, склонны были недооценивать его и как краеведа и как писателя. Монографию «Север в истории русского искусства» объявляли устаревшей книгой. Вспоминая роман «Колокола», пожимали плечами и ограничивались расуждениями о натуралистическом копировании вологодских реалий... Да, и здесь не повезло писателю. Земляки не пожелали оценить по достоинству то, что сделано было с любовью и вдохновением. Понадобилось еще несколько десятилетий, чтобы понять Ивана Евдокимова и с этой стороны, — как певца русского Севера, как единственного, в сущности, художника, раскрывшего знаменательные процессы революционного обновления жизни в краю вологодском, сложные противоречия, терзавшие и деревню и город в эпоху революционной ломки...

2

Иван Васильевич Евдокимов всегда считал себя вологжанином, хотя родился в Кронштадте 4 февраля (22 января по ст. ст.) 1887 года, когда отец его проходил там сверхсрочную службу фельдфебелем 4-го флотского экипажа. Родители будущего писателя, деды и прадеды по отцу и по матери — коренные вологжане с Кубенского озера, жители соседних деревень: отцовская — Котлово, материнская — Никулинская. Здесь они пахали землю, сеяли хлеб, ловили рыбу. Отсюда уходили на заработки плотниками, каменщиками, землекопами... «Дедушка Федор и отец мой, Василий Федорович, — вспоминает писатель, — работали землекопами в Рыбинске, на Онеге, на Свири, в Ладоге. Бабушка Афанасия — высокая, жилистая, суровая — вела хозяйство в деревне. Отец мой ходил на отхожие промыслы до самой солдатчины. Мать моя, Анна Васильевна, плела кружева, рыбачила со своим отцом и помогала ему на мельнице»¹.

Раннее детство будущего писателя прошло на острове — в военно-морской крепости, а затем в столичном Петербурге, куда переехали успешно продвигавшегося по службе отца. Прослужив целое десятилетие во флоте, Василий Евдокимов вышел в отставку и вернулся на родину, в свое Котлово.

Здесь будущий писатель пережил радость общения с природой, чувства мальчишеской дружбы, рожденной на деревенских улицах, первые рыбалки и охоты, ночное у костра.

Но лучшие, по словам писателя, «самые ласковые и прекрасные годы жизни» прошли на Сяме. Здесь и поселились на древнем Кирилловском тракте, саженях в ста от огромных ворот Сямского Богородице-Рождественского монастыря с высокой оградой и баш-

¹ Евдокимов И. Автобиография. Собр. соч., т. 1. М.—Л., Земля и фабрика, 1928, с. 9—10.

нями. Во всем этом местечке, кроме постоянного двора, двух лавок, кабака, амбаров и торговых рядов, ничего не было. А вокруг — монастырские земли, нищие деревни; прямо перед окнами, через поля, — Кубенское озеро с плывущим посередине древним каменным монастырем. «Обычно на Сямьи было молчаливо и уединенно: только скакали мимо редкие тройки, тихонько ползли мужицкие обозы, правились с котомками после пасхи на заработки мужики». Но три раза в год, на знаменитые конские ярмарки, оживало все в округе: запомнились карусели, гармонь и пахнущие бакалеей и мануфактурой торговые ряды, тысячи горластого и толкающегося народа, крики и песни, ржанье коней, колокольный звон. Именно из этого мира острых впечатлений детства черпал писатель многое и для своих рассказов и особенно для живописных картин сельского быта в романе «Заозерье».

Учился будущий писатель сначала в земской школе, невдалеке от Сямьи, в соседней деревне Березники, куда ходил три зимы. Потом отец отвез его в большое село Новленское, в двухклассное ми-нистерьское училище. Интереса к занятиям юноша не проявил и доставлял немало хлопот отцу, мечтавшему дать своим детям образование, вывести их из «податного сословия» в люди. Но к книге будущий писатель потянулся уже в это время и прочитал всю школьную библиотеку. В это же время пробовал и сам сочинять коротенькие рассказы.

Начало XX века принесло новые перемены. Семья переехала в Вологду, и перед юношой открылся незнакомый мир, мир заводской окраины небольшого, патриархального, древнего губернского города. Строилась в это время железнодорожная линия Вологда—Петербург, а рядом с ней — большие краснокаменные корпуса транспортных мастерских с высокой черной в верхушке трубой. У самой чугунки — рабочая слободка, в ней, на Кобылкиной улице, и поселилась в низком тесном флигельке разросшаяся к тому времени семья Евдокимовых.

«По Кобылке, — пишет И. Евдокимов в автобиографической повести «Портрет Василия Мещерина», — идут рабочие в кожаных и ватных и легких пиджаках, пахнут железом, маслом, ржавчиной. На Кобылке они живут. По Кобылке гуляют в праздники. Здесь пляшут, смеются, дерутся и плачут, валяются пьяные в грязи, сидят бабы рабочих на лавочках у ворот и щелкают семечки. Рванные, нищие, мазаные ребятишки запрудили улицу... На Кобылке — резиновые рогатки, змей, свайка на лугу...»

Этот особый мир рабочей городской окраины так врежется в память юноши, что в первой же своей повести — «Сиверко» он изобразит его правдиво и сочно.

Глава семьи между тем работал с утра до ночи буфетчиком на хозяина, и семья с трудом сводила концы с концами. Но и в это время Василий Федорович предпринимал немало усилий, чтобы образовать своего недоросля, как он называл доставлявшего ему немало огорчений младшего сына. Еще из Сямьи посылали его в Череповецкое техническое училище, а из Вологды — в Тотьму, в открывавшуюся школу лесных кондукторов. Отец на последние гроши нанял чиновника из присутственных мест, чтобы подготовить сына к классному чину — «на барина», водил по различным губернским канцеляриям, чтобы, на худой конец, определить писарем, но нерадивое дитя слово бы нарочно не хотело выходить в люди — то не выдер-

живало испытаний, то не набирало нужных баллов, то обнаруживало крайне неразборчивый почерк.

И в отчаянии грозил отец сыну: «Не хочешь быть барином, оставайся мужиком», а потом стал брать в трактир, приобщать к торговле. Будуций писатель не обнаружил и к этому делу никакого радения. Удалось, наконец, устроиться учеником телеграфиста, а затем и телеграфистом на постройку железнодорожной линии Вологда — Петебург. Теперь рабочее окружение было со всех сторон: и бытовое — на Кобылкинской улице у самых транспортных мастерских, и на службе — среди рабочих железной дороги. Вскоре в этой среде появились товарищи и друзья, многие из них стали потом основными героями романа «Колокола», а друзья-телеграфисты, наставники из ссыльных, под вымышленными именами, но в ситуациях, близких к реальному, вошли в автобиографическое повествование «Портрет Василия Мещерина».

Среди молодых телеграфистов не без влияния ссыльных революционеров возник марксистский кружок, вошел в него и Иван Евдокимов, который и до этого общался с ссыльными и вел пропагандистскую работу в крендельной, среди мойщиц винного склада. Теперь он посещал рабочие сходки, конспиративные квартиры, охранял майское собрание за городом в бывших солдатских лагерях, в заброшенном саду, ездил даже на Сухону и выступал перед рабочими фабрики «Сокол». Правда, выступал, по его словам, путано, сбиваясь, краснея, едва связывая слова...

Это было время радостного революционного подъема, особого горения, осознания единения с народом, служения великому делу его освобождения, и время это навсегда осталось в памяти будущего писателя и во многом определило его художественные симпатии и вкусы.

Молодежь в это время, по свидетельству Ивана Евдокимова, жадно тянулась к живому художественному слову, много читала, пробовала сочинять стихи. Создали и телеграфисты свой литературный кружок, даже начали выпускать на гектографе журнал, играли в любительских спектаклях, выезжали за город на Бесов ручей — жгли костры, пели революционные песни, читали стихи, а Иван Евдокимов так увлекся театром, что почти каждый вечер всеми правдами и неправдами прорывался на его галерку.

Многие вечера проводил он и в библиотеке Тарутиных на Кирилловской улице. Здесь и отыскались впервые томики рассказов Максима Горького, поразивших юношу смелыми образами и крепкими, как говор на вологодском толчке, словами. Его книги вызывали восторг, увлекали и революционизировали, передавались из рук в руки, читались на вечеринках¹. «Я находился всецело под обаянием творчества Максима Горького, — вспоминал об этих днях Евдокимов, — старался ему подражать и буквально не расставался с зеленоватыми книжками издательства «Знание». Биография Максима Горького, пережитая как воображаемая личная жизнь, конечно, еще более усилила мечту о писательстве... Возникло сознание необходимости стройного, систематического образования. Университет становился так же притягателен, как недавно притягателен был театр».

¹ Евдокимов И. Взамен воспоминаний о Максиме Горьком.— Прожектор, 1928, № 13 (25 марта), с. 18.

Чтобы осуществить эту мечту, нужно было окончить гимназию или, по крайней мере, экстерном сдать на аттестат зрелости. Но к заветной цели пришлось идти долгой и трудной дорогой. Осенью 1905 года поступил на общеобразовательные курсы А. С. Черняева в Петербурге, но больше проводил время на митингах, чем учился. Возвратившись в Вологду после закрытия курсов, служил еще с год писцом в ломбарде, статистиком в земской управе, наведывался на Кобылку к рабочим мастерских. Но революция шла на убыль, реакция торжествовала, черносотенцы выходили на улицы с хоругвями, иконами и крестами, открывали свои погромные чайные...

Разбогател и окреп, перешел к другому купцу, а затем и свое дело завел отец будущего писателя. Перебрался в самую купеческую гнездовину на Золотуху у Каменного моста — тут и трактири, и портерная, а над нею — квартира.

Двадцатилетний юноша мечтает о самостоятельной жизни. С трудом, но все-таки удается ему убедить отца в необходимости жить в Москве. Переbrавшись туда осенью 1907 года, он бывает теперь в Вологде только наездами. Лениво проходит курс бухгалтерии и стенографии на Никитинской, а гимназию на Якиманке, куда записался на курсы по подготовке на аттестат зрелости, посещает совсем редко. Охотнее всего он бывает в театрах и концертах, следит за выставками живописи, слушает Шаляпина в «Борисе Годунове», а в консерватории — «Демона» Рубинштейна, не пропускает ни одного спектакля Художественного театра. Круг его чтения широк — перечитывается весь Пушкин, кумиром становится Чехов. Он восхищается блистательным мастерством Белинского, увлекается новой поэзией...

С трудом возвращает отец блудного сына в Вологду, усаживает за учебники, нанимает гимназиста-репетитора. Но было уже поздно: сопротивление воле отца и нерадение затянулись надолго — в апреле 1909 года наступил провал, а за ним и разочарование, неverие в свои силы, презрение к себе как «недоучке», «самовлюбленному лентяю», бездарности, обостренные переживания одиночества, сменявшиеся новой волной тоски по знаниям и всепобеждающим желаниям быть художником. Отцу удалось удержать сына при себе, вдохновить на новую попытку держать экзамены.

Иван Евдокимов много занимается тяжко дававшимися языками, математикой, естественными науками и, наконец, одолевает это труднейшее для него препятствие. Не было, наверное, большей радости, чем слышать свое имя на торжественном акте в гимназии, 5 июня 1911 года среди немногих выдержавших испытания экстерном и получивших свидетельства о зрелости.

А в городе, как и во всей стране, торжествовала самая страшная и самая злая реакция. Усилились репрессии к ссыльным революционерам, особенно к большевикам. Не прошла реакция и мимо Ивана Евдокимова. Став студентом Петербургского университета, он на некоторое время отошел от общественной жизни.

Поселившись невдалеке от университета в семье наборщика провинциала с головой окунается в совсем другую жизнь — посещает оперу и драму, симфонические концерты, осматривает парки и дворцы в окрестностях столицы, знакомится с литераторами — К. Бальмонтом, А. Толстым, С. Городецким, М. Кузьминым, художниками А. Бенуа, М. Добужинским, Г. Лукомским, завязывает дружеские отношения с Юрием Слезкиным. Однажды на встречу с вологодским землячеством студентов пришли Игорь Северянин и Владимир Маяковский... Особый интерес проявляется к

живописному искусству. «Эрмитаж» посещается много раз ради последовательного изучения итальянской школы живописи, голландской, французской. Студент-нервокурсник становится завсегдатаем выставок «Мира искусства», восхищается Н. Рерихом, знакомится с работами Б. Кустодиева, К. Петрова-Водкина.

Поначалу, казалось, Иван Евдокимов избирал академическую карьеру. Да и сам он не скрывал своей мечты о профессорской деятельности, об оставлении на кафедре университета. Он добросовестно посещает курс грамматики современного русского языка академика А. А. Шахматова и тянется к большому ученому¹, восхищают его блестящие лекции профессора-историка С. Платонова. Сдаст экзамены И. Бодуэн-де-Куртене, Л. Щербе, Н. Державину², но древние языки даются ему с большим трудом. Предпочтение отдается изучению русской литературы³. Он записывается в семинарий С. Венгерова «Пушкин и его современники», участвует в просеминарии профессора И. Шляпкина. Здесь он занимается древней русской литературой, Иваном Федоровым, а затем и пушкинской эпохой, здесь пишет большое сочинение о Сергеев Глинке и получает за него серебряную медаль.

Оказывается, однако, что желание быть художником с детства живет в Евдокимове, но оно борется со страхом, с неуверенностью в своих силах. Стихи, прозаические этюды писались давно, однако все попытки пробиться в печать не удавались. Плохонькие вологодские газетенки редко и неохотно печатали его фельетоны и уклонялись от публикации рассказов. С октября 1908 года Евдокимов печатается на страницах газеты «Вологодская жизнь», под разными псевдонимами появляются его фельетоны, статьи, стихи, очерки в газетах «Север», «Эхо», «Вологодский листок», в еженедельнике «Наш север».

Когда в университете возник поэтический кружок, Иван Евдокимов вошел в него вместе с Вл. Нарбутом, В. Гиппиусом, Борисом Энгельгардтом, Осином Мандельштамом. Но «поэтические короли» вскоре отошли от этого кружка, и его коллективный сборник «Чемпионат поэтов» (1913) получился весьма тусклым.

Вскоре вышла в свет и первая книга Ивана Евдокимова. Это был сборник стихотворений «Городские смены» (1913). Издан он был на свой счет в крошечной типографии на Крюковом канале. Молодой поэт возлагал на книгу большие и слишком честолюбивые надежды, но книга не раскупалась, и обескураженный новой неудачей автор утопил в Неве значительную часть тиража⁴.

Отчаявшись и ушибаясь, Евдокимов продолжает искать себя, мечтая между университетскими занятиями и тягой к самостоятельному творчеству, разрывается между Петербургом и Вологдой, куда зовет его молодая семья. Он все больше тянется к изучению древнерусского искусства, вдохновляется русскими национальными традициями и многие их корни находит в Вологде. В один из при-

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 296, л. 1—4.

² Зачетная книжка студента Петербургского университета историко-филологического факультета И. В. Евдокимова, 1911—1914.—ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 305.

³ Евдокимов И. В. Письмо отцу В. Ф. Евдокимову. 30 сентября 1911 г.—ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 183, л. 1—5 об.

⁴ Евдокимов Иван. Книга жизни. С 1914 года.—ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 1, ед. хр. 160, л. 9об.

ездов домой знакомится с только что открытым скромным музеем Общества изучения Северного края, а в марте 1912 года по предложению А. Тарутина вступает в это общество. 12 декабря 1911 года появляется в дневнике важная запись: «Только на Севере еще можно заглянуть в глухую древность, услышать былины старые, видеть деревянные церкви XV века, здесь народилась теория многих русских историков, и П. М. Строев понимал значение Севера в русской культуре и его значение для исторических изучений старины нашей. Быть может, и я принесу посильную помочь нашему краю»¹.

Иван Евдокимов выступает в Вологодском обществе изучения Северного края с докладами о К. Н. Батюшкове, о краеведческом наследии П. А. Диляторского, знакомится в Петербурге со знаменитым И. К. Степановским, а в Вологде с местными краеведами, увлекается сбирианием старины, созданием краеведческой библиотеки, готовит к печати рукопись покойного Сергея Непеина «Наш край», изучает его архив, устанавливает связи с фольклорным кружком при семинарии...

Евдокимов загорается идеей изучения «древней нашей красоты», узнает, что в городе создан Северный кружок любителей изящных искусств, становится его членом. Кружок этот провел в Вологде четыре выставки «Мира искусства», открыл в доме Волковых картинную галерею, организовал приезд Г. Лукомского и чтение им лекций о древней архитектуре России. Тогда и возникла мысль издать описание местных памятников — «Вологда в ее стариине». Иван Евдокимов подключился к этой работе и создал для нее «Исторический очерк Вологды» и описание ряда памятников старины. В это же время он начал изучать вологодские фрески.

Самое знаменательное событие в этот период жизни И. Евдокимова — приезд в Вологду в середине августа 1913 года Игоря Грабаря, тогдашнего хранителя Третьяковской галереи, уже находившегося в зените славы и выпускавшего многотомный труд «История русского искусства».

Общение с И. Грабарем помогло Евдокимову убедиться в правильности своего подхода к явлениям народной культуры. О чем бы ни говорил Грабарь, как бы бегло ни оценивал увиденное в Вологде, Евдокимов прислушивался, сопоставлял, сравнивал: «Я проверял себя и, оказалось, я проверял удачно... В разговорах с Грабарем я увидел, что вкус у меня есть»². И это было важнее всего для будущей деятельности Ивана Евдокимова как искусствоведа, для определения своих критериев в оценке «неисчерпаемых сокровищ» Севера.

Интерес Ивана Евдокимова к университетским занятиям ослабевает, а статьи его об искусстве все чаще появляются в лучших столичных журналах — «Современник», «Старые годы», «Русский библиофил». Здесь публикуются и большие его работы — статьи «Церковная старина», «Древнерусская иконопись», «Вологодские росписи», «Старый быт» и многочисленные рецензии на книги его учителей И. Шляпкина, С. Венгерова, И. Грабаря, Г. Лукомского. Вместе с молодыми пушкинистами, старшими своими товарищами по университету (Б. Модзалевский, Н. Лerner, М. Цявловский и др.), И. Евдокимов поддерживает открытый культ Пушкина и печатает большую свою работу «Современник» Александра Пушкина.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 116, л. 149.

² ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 118, л. 118об.

В Вологде выходят его скромные небольшие книжки «Вологодский иконник Григорий Агеев» и «Старинные красноборские пе-чи». В этих публикациях намечаются основные идеи искусствоведческих работ будущего писателя, завершившихся уже в советское время книгами «Север в истории русского искусства», «Два памятника зодчества в Вологде», «Вологодские стенные росписи». Молодого искусствоведа интересует прежде всего «национальная особливость России», ее древних городов и памятников старины, рассадников и выразителей «нашей национальной красоты»¹.

Молодой исследователь древнерусского искусства радуется подъему интереса к старине по всей России и огорчается неумением бречь и охранять наши памятники.

Активизация деятельности Северного кружка любителей изящных искусств с приходом в него Ивана Евдокимова и Сергея Перова и особенно с выходом в свет осенью 1916 года при их же активном участии журнала «Временник» вызвала конфликты с местными краеведами.

Вместо поддержки и работы сообща Евдокимов встретил «заявить народившемуся новому делу» со стороны «вологодских зои-лов». Ожесточение и злоба раздраженных деятельностью Евдокимова противников заставили его порвать с Обществом изучения Северного края и его изданиями.

В это же время, с самого начала 1915 года семью Евдокимовых преследовали несчастья — одно тяжелее другого. Сначала разорился отец. Его объявили несостоятельным должником, посадили в тюрьму, конфисковали и распродали с молотка имущество. И вернулся он на круги своя, устроился десятником на Мурманскую дорогу, а семья приютилась в тихом переулке у Власья, но вскоре и туда пришло несчастье — Анну Васильевну разбил паралич, и в лютые февральские морозы 1917 года она скончалась. Иван Евдокимов покидает близкий к окончанию университет и поступает табельщиком в контору по перестройке железнодорожной линии Вологда — Няндома.

3

Изнурительная эта служба не оставляла ни сил, ни времени для литературной работы, и писатель готов был вычеркнуть из своей жизни многие месяцы и годы. Но время тревожное, время неожиданных и резких перемен, не спрашиваясь, врывалось в тихие будни и не могло не будоражить литератора.

В одном из самых первых послереволюционных рассказов «Пронькины проводы» писатель опирался на увиденное, вырванное из самой жизни, и повествовал о «вьюжных февральских днях», о задувных «октябрьских ветрах», о таинствах незлобивой мужицкой души и разгулявшихся крестьянских вилах, о судьбах бывшего земца Проньки, а теперь деклассированного Авенира Петухова.

Революционные перемены не только запечатлены в живом образе героя рассказа «В метель» председателя Покровского волостного исполнкома, но и предстали в прочной связи времен, во всей извечной стихии крестьянских чувств и переживаний. И председатель, только что конфисковавший барское имение, уже мечтает о дне завтрашнем: «Снились ему огромные покровские поля, ходили по ним,

¹ Евдокимов И. Русские города — рассадники искусства. Вологда, 1916, с. 1.

попыхивая, машины, взрывали, как в полую воду реки, разбухшую землю — и вырастала из-под колес густой мохнатой зеленью озимь»¹.

И совсем уже примечательна судьба большевика Степана Матвеева, выросшего в рабочей слободке старинного города с его многими колокольнями и фабричными трубами («Зеленые Горы»), одного из тех, кто станет позже героями романа «Колокола».

В этом раннем рассказе Евдокимова волевой революционер сталкивается с белогвардейцем Владимиром Петушковым в их отношении к жизни, в их человеческих чувствах, раскрытых, правда, не без мелодраматизма. «Закапанная, как дождем, кровью земля, не рожающая, вшивая, охолодевшая, гнилая, покачнувшаяся на ногах, дырявая, раздетая, необутая — стала она в глазах Матвеева и закрыла добой все»². Новь начиналась, по словам писателя, «ковыляя и часто становясь в тупик», но побеждали в ней большие человеческие чувства и «сияли нетленным огнем».

Застигнутый вихрем революционных событий и пораженный значительностью переживаемого времени, И. Евдокимов записывает в дневнике в первую годовщину Октября: «Единственной движущей, энергичной, талантливой, подлинной стихией России был и есть большевизм»³.

Писатель осознаёт: «к прошлому нет возврата», «культура не может воротиться вспять к своему дооктябрьскому состоянию, общество должно быть переорганизовано... И большевики являются единственной силой. Зажмури глаза — и посмотри — ведь то, что сделано в этот канувший год, — чрезмерно»⁴.

И Иван Евдокимов включается в эту работу энергично, с вдохновением. Старый друг еще по студенческим временам, увлеченный искусством и поэзией Сергей Перов, профессор Молочно-хозяйственного института, буквально вырвал товарища из «противной службы» и мещанского окружения, помог перебраться в Фоминское. Сначала избрали заведующим институтской библиотекой, потом секретарем Совета института. Пришлось принять на себя заведование Агафоновской школой первой и второй ступени при институте и преподавать в пей. Вскоре открылись для рабочих и служащих института вечерние курсы, и Евдокимов начал читать на них историю литературы. Большая потребность в нем оказалась и в институте народного образования, и в Пролетарском университете, и в Союзе работников просвещения, и в губернском отделе народного образования, и на курсах подготовки преподавателей школ второй ступени...

В это же время много писал, преимущественно ночами, выкраивал дни для занятий в архивах, для поездок по губернии, чтобы подвести итоги своим давним изучениям северного русского искусства...

В 1921 году издается своеобразная, по-писательски самобытная, местами публицистически острые монография И. Евдокимова «Север в истории русского искусства». Ее автор, подводя итоги своих десятилетних изысканий, с гневом отвергает взгляд на русское искусство как на искусство варваризированное, несамостоятельное,

¹ Евдокимов И. Собр. соч., т. 1, с. 314.

² Там же, с. 278.

³ Евдокимов И. В Вологодском молочно-хозяйственном институте. Дневниковые записи. — ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 124, л. 14об.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 124, л. 8.

заимствованное... Исследователь выступает здесь как воинствующий защитник национальной самобытности русского искусства, особенно его вершины — деревянного зодчества.

Север для Евдокимова — «колыбель деревянного зодчества». Рассматривая величавые шатровые храмы как «высшее достижение и проявление самобытной северной культуры», как его лебединую песню, он славит великого зодчего — народ: «Здоровое, целое, вечное искусство народа, его сила, воля, как бы мускулатура его, уверенные взмахи закаленной, неослабевающей от работы руки! Народное миропонимание, его вера, его свеча небу поставлена в образе шатрового храма»¹.

Мысль об изначальности деревянного зодчества предстает в книге Евдокимова в единстве с размышлениями о его цельности, органической связи с окружающим миром природы.

Это же единство видит писатель и в городе, когда проходит из Дюдиковой пустыни знакомыми улицами и зелеными полянами Вологды и любуется красотой вписанных в них памятников, создающих «ансамбль векового искусства».

Восторженно пишет автор о сплошном дивном чуде от простой избы до величавых храмов в Олонии, на Мурмане и Кокшеньге, в Кеми и Кижах, на Онеге и в Вытегорском посаде, в Подпорожье и в Карпогорах, восхищается «нарядностью и редкой живописностью» Великого Устюга, «узорочьем» памятников Каргополя, замирает перед волшебным мастерством безымянных мастеров Сольвычегодска...

В книге уделено немало страниц древнерусской живописи, строгановской школе иконописания, иконописцам ближнего севера — Вологды и Великого Устюга. Но самые заветные свои мысли Иван Евдокимов высказывает в книге «Вологодские стенные росписи» (1922), рассматривая росписи Софийского собора Дмитрием Плехановым, росписи безымянных местных мастеров церквей Дмитрия Прилуцкого на Наволоке (наволоцкая роспись), Покрова на Козлени (козленская роспись), Иоанна Предтечи в Рощене (рощенская роспись).

Наиболее интересны и самобытны рассуждения И. Евдокимова о рощенской росписи:

«Необыкновенная смелость, дерзость, отвага, жизнерадостность, шумливость, говорливость, какое-то «язычество», «светскость» так и бьет струей из каждого кусочка рощенской росписи. Даже после смелости поздних ярославских росписей как-то все же непривычно видеть оглушительный гротеск, «курьез», «кощунство» рощенской росписи. В этом ее новое, нигде не встречавшееся до сих пор, в этом ее местный оттенок... Впервые, кажется, на стенах православного храма передано «мирское с такой обнаженной дерзостью и смелостью»².

В утверждениях Ивана Евдокимова, по всей вероятности, немало субъективного, характеристик с перехлестами, буйной фантазии, недостаточно развернутых и убедительных доказательств. Автор этих книг — личность увлекающаяся. Он поражен небывалыми и неповторимыми взлетами искусства в древней Руси, ищет этому объяснения, прощупывает связи времен и удивляется, что после та-

¹ Евдокимов И. Север в истории русского искусства, Вологда, 1921, с. 31.

² Евдокимов И. Вологодские стенные росписи. Вологда, 1922, с. 58—59.

ких взлетов древнерусского искусства уже в XVIII веке «принесенная пришельца» — заимствованная западная культура в так называемый «петербургский период» насаждается без помех, а Россия, сопротивляясь и запаздывая, «чаще всего ковыляет за своей самодержавной столицей».

Вслед за монографией «Север в истории русского искусства» Иван Евдокимов начинает работать над книгой «Вологодские усадьбы», но исследователь здесь уступает место рассказчику. Вот какой живописной картиной родного края открывается эта незавершенная работа:

«Перелески, холмы, рощи и горки, дремучие леса, бесконечные речки, ручьи, озера раскидались по всем путям севера. Горит летнее солнце — и все зелено, сине вокруг, и только озера лежат в зеленых рямах, как огромные серебряные блюда да вьются дороги, проселки желтыми извивающимися петлями.

Пришла зима, и на сотни верст намели, навыли, нашипели метели белых блистающих снегов. Пять месяцев север — белый. Косые, серые, мельчайшие, сияющие зарядили дожди в октябре, и туман густой, непроницаемый не может целый день разорваться за пасмурным окном. Осенние клекота журавлей звенят уныло в унылой бездне тумана: не заблудились ли журавли на бездорожном туманном небе севера?»¹

Как видно, зоркий глаз художника да, пожалуй, и свой писательский почерк сказывались во всем. Сам же писатель считал, что в это время ему еще «не давалась чисто художественная работа». Да и жилось вдали от литературы, в разоренном и голодном Фоминском одиночко и тоскливо.

Осенью 1922 года Иван Евдокимов предложил свои силы О. Ю. Шмидту, тогдашнему руководителю Государственного издательства. К концу октября вся семья перебралась в Москву, а технический редактор издательства оказался в центре столичной литературной жизни и сопровождавшей ее острой и непримиримой борьбы. Здесь он продолжил свои искусствоведческие занятия уже на новом уровне, и одна за другой стали выходить книги — «Борисов-Мусатов» (1924), «Русская игрушка» (1925), «М. А. Врубель» (1925), «Пропинция» (1925). Но никогда не засыпавшее, а только сладко дремавшее желание быть художником прорвалось со все возрастающей силой стихии.

4

Открывающийся мир новых отношений всегда воспринимается остро и надолго остается в памяти. Таким миром стала для писателя босоногая вологодская юность, совпавшая с началом нового века. К этому времени и обратился Иван Евдокимов в первой своей повести «Сиверко» (1925). В центре ее — становление молодого человека, судьба рабочего мальчика Акинтина Штукатурова, его дружба с сыном богача Игорем Чефрановым, их ссоры и расхождение жизненных путей. Молодой рабочий Кенка идет дорогой революции, в первых рядах, и слышит тяжелые шаги товарищей за собой, цоканье копыт, лязганье казацких шашек. «Вечером над тюрьмой было грозовое облачное небо и часто разрывался весенний жадный гром. Зажигались малиновым светом решетки... За сырьми

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 80, л. 2, 3.

и темными стенами, может быть, надолго остался родной Волок с детством, отрочеством и юностью. Пришла новая, трудная и неизбежная жизнь¹.

Яркая лазурь в грозовом облачном небе, свежее очистительное дыхание «сиверко» — ветра революции — вся эта характерная для литературы двадцатых годов символика заключала в себе веру в торжество сил революции. Повесть была встречена как безусловно значительное достижение пролетарской литературы². Д. Фурманов оставил о ней восторженные слова: «Я без отрыву прочитал «Сиверко» до конца: превосходная, увлекательная вещь», — и советовал это прекрасное произведение, написанное «с большим мастерством, с подлинно художественной простотой» печатать непременно³.

Вскоре пришел развернутый отзыв М. Горького из далекого Сорренто. Он признавал, что в повести, начало которой сделано лучше, тщательней, а конец торопливо скомкан, все-таки «всюду чувствуется несомненная даровитость автора и его умение наблюдать»⁴. М. Горький считал, что мотивы расхождения Кенки и Гоги лежат гораздо глубже: «И для вящей правды надо бы показать другую пару: мальчик интеллигентской семьи духовно изменяется под влиянием какого-то другого Кенки. Это очень характерно для русской социальной жизни: большинство интеллигентов-коммунистов явились в результате этого процесса. И Гога не так характерен, как они»⁵.

Сам автор видел и недостатки своей повести, ее эскизные финальные страницы, и радовался тому, что удача так широко улыбнулась ему на этот раз, пробивая дорогу новым замыслам.

6 апреля 1925 года появляется в дневнике первая запись о новом произведении, в котором угадываются будущие «Колокола»: «Весь вечер обдумывал повесть из эпохи 1905 года, из времен моей романтической эпохи, множество выплыло лиц, но сделалось страшно, потому что полотно сразу развернулось на много печатных листов и пришел герой — Егор Яблоков, который даст и название вещь»⁶. Через месяц работы возникает новая запись: «Название «Егор Яблоков» уже узко. Что-то в этом есть суживающее. Дал название «Пятый год» — в этом чувствуется тенденция. И наконец остановился над названием «Колокола», от него не откажусь... Я хочу дать по существу огромную картину общества в 1905 году... Работать, работать! Голова моя целый день занята только «Колоколами», и сердце поет, торопится, грустит...»⁷.

К лету складывается план каждой главы, на это время падает самая напряженная работа над романом. К осени написано уже тридцать глав, оставалась последняя треть повествования, непосредственно посвященная первой русской революции. «Или я лишен всякого умения давать оценку своему писанию, — рассуждает писатель в это время, — и тогда я буду раздавлен неуспехом, или я

¹ Евдокимов И. Собр. соч., т. 1, с. 127—128.

² Комсомолия, 1925, № 4—5, с. 122.

³ Куприяновский П. Дм. Фурманов и Ив. Евдокимов (Из новых материалов). — Север, Петрозаводск, 1971, с. 123.

⁴ Горький М. Неопубликованные письма. — Октябрь, 1954, № 11, с. 126.

Там же, с. 125.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 131, тетрадь 12, л. 19 об.

⁷ Там же, ед. хр. 132, тетрадь 13, л. 29.

понимаю, что пишу, — и тогда я создал явно художественную вещь... В романе по крайней мере шестьдесят действующих лиц, в нем переплелось реальное с легендарным, в романе любят, страдают, ревнуют, смеются, плачут, ведут революционную работу, делают сходки, кружки, демонстрации, подпольные типографии... В романе нет главного индивидуалистического героя, там коллектив, там герой — эпоха... Считаю, что я создаю даже новую форму¹.

Молодая советская литература начинала прокладывать в это время пути эпического изображения революции, показывала движение масс в ней, стремилась создать характер народного героя. Широко захватывая кануны первой русской революции, события ее непосредственного развертывания, искал новые повествовательные формы и Иван Евдокимов. Его роман открывается обобщенной картиной жизни рабочей окраины большого провинциального города, облик которого выписывается тщательно в противопоставлении социальных сил, в разделении на «черную рабочую сторону» и «чистую городскую половину» за березовыми бульварами. Писатель живописует быт рабочих слободок — на Зеленом Лугу, на Числихе, в Ехаловых Кузнецах, где трудно и тесно жил люд рабочего звания; ведет на березовые бульвары в барские особняки с мезонинами, показывая разоряющееся дворянство, в обывательские дома старых узких переулков Козлёны, окраинной Желвунцовской улицы, во флигеля у Ильинской... Тщательно выписывается жизнь и быт профессионального революционера, явка у Никиты на погосте, собирающиеся в сторожке заводские и фабричные кружки, подпольная типография в магазине «Венский шик», прокламации, сходки, аресты, суды, побеги... Действие переносится из города в усадьбу Орешек, в бунтующие окрестные деревни.

«И медленно, не торопясь, переваливались зимы, лета. Генеральша Наседкина прибавляла в весе... Часовых и золотых дел мастер Буби-Козыри оказался фальшивомонетчиком. У губернатора жена сбежала с морожеником. Покривился новый дом на Прогонной: кирпич подрядчик поставил жульнический, непрокаленный. Умерла нищенка: в тряпье у нее нашли двадцать тысяч. На Зеленом Лугу, на Числихе, в Ехаловых Кузнецах рабочие разбойника убили: не давал никому житья. И опять все тихо. Дуют ветра, восходит и закатывает солнце, пожарные выезжают по фальшивой тревоге вовремя и опаздывают на настоящие пожары, осенью воры воруют в погребах...»

В этом едком описании нарочито застойной жизни, в цепи «знатомательных» событий проглядывает реальный быт захолустной Вологды. Правда, город, в котором происходит действие романа, не называется, не дается ему и вымышленного имени. Город этот, судя по всему, по разбросанным историческим деталям, из времен Василия Тишайшего, Ивана Грозного, Бориса Годунова — древний, старинный. Невдалеке от него большое многоверстное озеро Чарымское в зарослях осок и камышей. За Зеленым Лугом — выезд на Московский тракт, на пути к озеру — Прилуцкая слобода, в центре города — архиерейское подворье с плотиной на Пятницком пруду, Гостинодворская площадь у самой речки Золотухи, облепленной кабаками, магазинами и ларьками, над городом — величественные купола соборной Софии, за городом — бесконечные непоглядные Семигородние леса.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 132, тетрадь 13, л. 45, 45об.

Чтобы поднять значительность происходящих событий, укрупнить их, писатель раздвигает границы города, открывает в нем университет, пускает по его улицам конку, называет три железнодорожных вокзала. Ему мало мелких кожевенных, мыловаренных, кирпичных заводов и заводиков. И вот создается в городе громадная Свешниковская мануфактура и возрастает армия ткачей.

Подъем первой русской революции сам писатель встретил в столице на Петербургской стороне и бывал не только на университетских сходках, но и на рабочих собраниях, видел митинги в больших заводских корпусах, движение восставших масс по улицам столицы. Декабрьское московское восстание писатель не мог наблюдать непосредственно, но он видел, как «шпаклевали и перетирали декабрьские раны тысяча девятьсот пятого года», жил со своим героям на Пресне, кружил с ним по булыжным мостовым, путанным московским улицам, тупикам и переулкам в Замоскворечье, в Ле-Фортове, на Девичьем поле, на Таганке, на Арбате... И все это сказалось на изображении своего, евдокимовского города в «Колоколах», с его динамично и сочно изображенным бытом рабочих слобод и улиц, бурной перекличкой прошлого, седой древности и революционной современности.

Еще в повести «Сиверко» Иван Евдокимов обращает внимание на колокольный звон в Волоке, где «от звона будто медная обшивка была на небе, а звезды — гвозди», — особенно на заливицы малиновые звуки Владимирской звонницы, на густой голос «медного дядюшки» в три тысячи пудов на соборной колокольне, на то, как мелкота поддакивала из уличек, тупичков, переулочков, с площадей... И все это — «медная слава» прошлого.

Образ — «колокола», — вынесенный в название романа, — многофункционален. В колокольный звон, издавна сопровождавший родины, свадьбы, гостины, праздники, именины, похороны, врывается словно бы никогда не умолкающий, поющий, рвущий воздух звук фабричных и заводских гудков. И эти тревожные, зовущие гудки, словно телеграфные провода от высоких фабричных и заводских труб, «шли по всей России»...

И вот уже новое время, новые песни, новые праздники. В первомайский день шли длинными черными колоннами, разворачивались на бульварах и пели — ворочали «тяжелые колокола песни» «Вставай, подымайся, рабочий народ...» С тех же островерхих колоколен слышен уже не далекий звон прошлого, а набатный зов к действию, к борьбе. В самый яркий день начала стачки, когда на улицы вышли праздничные толпы людей, сопровождаемые призывающими заводскими гудками, — «над рабочей слободкой, над городом, над Чарымой, будто звон колокольный соборной Софии с концами и приходами, запела земля, облака, крыши...» После поражения восстания «колокола, как в дозорных лоцманских будках, звонили протяжно тревогу», и кладбищенский с прозвенюю колокол узнавался среди забытых колоколов — звонил он «над сторожкой, над поклончивой ветлой в лугах над товарищами, уснувшими без крестов под жирной землей». Но и в эти горькие дни героя романа в чистом утреннем весеннем колокольном хоре, смешавшемся с нестройным крикливым лением заводов, слышат голоса будущей победы, и в сердцах арестованных рабочих, отывающихся в тюремных вагонах в Сибирь, рождается чувство единства со своими товарищами, с теми, кто с узелками, поодиночке, артелями шли теперь через пути к депо, «дружно снимали шапки, кепи, картузы, трясли ими высоко над головой и что-то кричали вслед».

Д. Фурманов, которому Иван Евдокимов глава за главой читал роман «Колокола», не только встретил его восторженно как «монументальный памятник 1905 году», но и оставил о романе ценные наброски, которые, по всей вероятности, предполагал развернуть в печатный отклик. В этих набросках отмечалось знание автором быта рабочих, актуальность поставленных проблем, широта замысла и его социальная заостренность, увлеченность развертыванием действия, тяга к эпическому повествованию, «обилие образов, сравнений, ароматичность, свежесть языка» и вообще — «любовь к простолюдину, к народной песне, к природе — хорошая, большая любовь». Вместе с тем Фурманов замечал: «Массы рабочих нет»; «Нет выдающихся типов, но каждый индивидуален: Яблоков, Сережка, провокатор Клёнин, Олюнька, Аннушка», «Революционеры даны правдиво», «Побег Алешеньки романтичен и реален: так вот и надо!»¹.

С Фурмановым солидаризировалась и критика. В «Правде» отмечалось, что автор «Колоколов» «пытается, и порой успешно, наметить такие органические фигуры рабочего и революционного движения, которые вышли на авансцену современной жизни как сознательные строители Советской России»². «Евдокимову удалось сочетать стихийность нарастания революции с организующей волей партии, — писал А. Селивановский. — Правильная общественная установка обусловила и художественную правду романа»³.

В самом деле, Евдокимов только начал роман с бытописания рабочей слободки. Он ввел в повествование целую галерею рабочих персонажей и раскрыл их образы в реальных жизненных столкновениях своего времени, в самой динамике революционной борьбы. Сквозная фигура романа — Егор Яблоков, молодой, революционно настроенный рабочий, приехавший из Сормова, а вокруг него — обуховские и путиловские рабочие, латыш Акс Кепинь, местный выходец из крестьян Егор Тулинов, старый токарь Силантий Кубышкин, молодой парень Сережа Соболев, безымянный Мясников. «В романе моем «Колокола» образы рабочих, — считал нужным сказать Иван Евдокимов, — мои старые товарищи, преображеные искусством и временем»⁴.

Егор Яблоков предстает в романе с разных сторон — и в заботе о рабочих своего цеха и всех мастерских, и в активной борьбе за их права, и в трогательных чувствах к майщице с винного завода Аннушке. Он входит в заводской кружок и участвует в тайных сходках рабочих в сторожке у Никиты, в стачках и забастовках, в борьбе с провокатором.

Поднятый рабочими над толпой во время майской демонстрации, Егор Яблоков четко выражает требования рабочей массы. Во время декабрьского выступления он не только в первых рядах на баррикадах, но и во главе рабочего Совета. Не теряет он веры в

¹ Куприяновский П. Дм. Фурманов и Ив. Евдокимов. (Из новых материалов). — Север, 1971, № 7, с. 124.

² Правда, 1926, 21 декабря, № 295, с. 8.

³ Молодая гвардия, 1927, № 1, с. 207.

⁴ Писатели. Автобиография и портреты современных русских прозаиков. Под ред. Вл. Лидина, М., Современные проблемы, 1926, с. 106.

силу рабочего единства после поражения революции, мечтает о близких сражениях со старым миром. В нем немало живых качеств мужественного революционера и обаятельного человека. Индивидуальные штрихи и жизненные детали находит автор «Колоколов» в создаваемых образах профессиональных революционеров — Саввы, товарища Ивана, в изображении сложных путей к революции выходца из купеческой семьи — Алеши Уханова...

Выделенные поначалу из массы и действительно, как заметил Д. Фурманов, индивидуальные, но не выросшие в «выдающиеся типы» персонажи, по мере развертывания повествования все больше сливаются с массой, выражая ее сущность. Такой прием со временем первых советских романов («Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича) становился принципом, выражавшим сущность революционного времени. Не случайно и сам И. Евдокимов видел своего основного героя в динамике движения истории, в единстве со своим временем, в романтическом пафосе изображаемой эпохи. В этом сказался истинный историзм романа «Колокола», его непреходящее значение как историко-революционного повествования.

Роман начинал свое триумфальное шествие к читателю в то время, когда профессиональная критика находила композиционные просчеты в повествовании, не могла определить его жанрового своеобразия, спорила о том, что это — то ли историческая хроника 900-х годов, то ли семь разрозненных и разностильных повестей с преобладанием в одной бытового начала, в другой — детективно-приключенческого, в третьей — хроникально-описательного... В это же время заговорили о «бытописательском реализме» и даже о натуралистическом копировании провинциального быта. Взволнованный вологодский обыватель особенно ревниво сверял страницы романа со знакомым бытом родного города кануна революции, выискивал известные ему детали, имена, ситуации, узнавал в Сидоре Мушке неодюжинную силу городового Конёва или только ему известного старомодного зубного врача Шнейвиса, пароходчика Варакина и черносотенку Караполову, шапошника Мошкова или жандармского ротмистра Пышкина, находил какие-то несоответствия в изображении хозяйки магазина «Венский шик» или сына городского головы Алеши Уханова, с изумлением разводил руками, находя рискованные, на его взгляд, и весьма причудливые переплетения реального с вымысленным, чуть ли не легендарным...

Раскрытие подлинного духа времени, сущность эпохи кануна и самой первой русской революции оказались, конечно же, не во всем этом, а в том, что было найдено И. Евдокимовым как художником — в широком эпическом развороте революционных событий, в раскрытии массовости и динамики участия в борьбе больших людских потоков, наконец, в передаче пафоса этой борьбы, накала радостных чувств рабочих, захватывающего человеческого единения, торжества желанной свободы.

Жизнь и быт рабочего люда в романе «Колокола», пути его от экономической к политической борьбе, роль профессиональных революционеров в росте его сознания, участие рабочих в революции на разных ее этапах не просто хронологически предшествуют массовым сценам митингов, демонстраций, баррикадных боев в романе — в этом глубокий историзм развертываемого повествования. Вершина его — эпический разворот динамики революционной борьбы, массовых сцен стачки, начатой ткачами Свешниковской мануфактуры, декабряского выступления, баррикадных боев в городе.

Пламя революции из города перекидывается в деревню, и вот уже «под набатный звон монастырей, погостов, приходов» пылают господские стога, горят барские усадьбы, поднимаются Березники, Анфалово, Нефедово, Семигорье, Веряя... Стихия крестьянского восстания уподобляется стихии природы, накал и размах народного гнева предстают в романе, как и выступления рабочих в городе, в широком эпическом развороте.

И опять писатель возвращается в город, чтобы на фоне бурных общественных событий этого времени показать возрастающее недовольство народа куцыми свободами царского манифеста и, наконец, декабрьское вооруженное восстание, освещенное на этот раз опытом борьбы краснопресненских пролетариев.

Еще не была поставлена последняя точка в романе, еще правились и подчищались огни последних страниц, а В. Лидин принес в издательство известие: директор одного из русских театров навестил М. Горького в Неаполе, и великий пролетарский писатель очень хвалил опубликованные в «Красной пови» главы из хроники Ивана Евдокимова «Колокола»¹.

С тех пор в течение нескольких лет роман издавался почти каждый год, а имя его автора называлось среди имен лучших советских писателей и не сходило со страниц газет и журналов. Нельзя сказать, что все отзывы о романе были восторженными, высказывались и критические замечания, но ни у кого не было сомнения — «Колокола» значительное явление молодой советской литературы, а грех бытописания и композиционные просчеты, по мнению рецензента «Правды», с лихвой искупались «общественной значительностью тех ярких частей книги, в которых автор осветил этапы революционного рабочего движения»². Один из самых взыскательных критиков И. Евдокимова считал, что в «Колоколах» «рассыпано немало жемчужин художественности»³. Всегда придерживаясь, а нередко даже угрожавшая рапповская критика (от Евдокимова «можно ожидать всяких неожиданностей»⁴) на этот раз не скрывала своего восторга: «Несомненное мастерство автора — обилие ценных черт в обрисовке взятой им эпохи, правильная идеологическая установка, — все это дает право считать роман ценным вкладом в советскую литературу»⁵.

5

С выходом в свет романа «Колокола» активизируется и литературно-общественная деятельность писателя. Находясь до этого вне литературных группировок, Иван Евдокимов в конце 1926 года вступает в «Перевал» и взваливает на себя всю организационную работу, сочиняет декларацию и устав литературной группы, выступает на многочисленных литературных вечерах, полемизирует с раппами и особенно с их теоретиками — «напостовцами».

«Перевал» однако был уже на закате, многие писатели покидали эту среду, отходил от дел и глава группы А. Воронский.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 132, л. 154об.

² Правда, 1926, 21 декабря, № 295, с. 8.

³ Смирнов Ник. В гостях у случайных соседей. — Новый мир, 1926, № 12, с. 145.

⁴ Бек А. Иван Евдокимов (Беглые заметки). — На лит. посту, 1927, № 9 (май), с. 35.

⁵ Звезда, 1927, № 2, с. 158 (В. Друзин).

Вскоре, в октябре 1927 года, автор «Колоколов» порывает с «Перевалом» и отдаётся работе над своим давним замыслом — романом «Заозерье». Один за другим пишутся и рассказы, выходят сборники «Проселки» (1926), «У Трифона-на-Корешках» (1927), «Овраги» (1927), «Зеленые горы» (1928), «Закоулки» (1932).

В это время Евдокимов обращается не столько к проблемам современности, сколько к власти старого быта, к изображению захлестывающей мещанской стихии. Действие его рассказов чаще всего происходит в глухих медвежьих углах, где-то на Леже, на Обноре, в уездных северных городках с их застойным бытом и мелкими чувствами обывателей («Борки и Овражки», «Камень», «Сундук», «Казнь», «Любовь», «Клад»). В атмосфере тусклого быта городских окраин, нередко в ситуациях диких и жестоких, вскрываются темные стороны души, грубые инстинкты несчастных, лишенных человеческой радости людей. Добрые человеческие отношения в конце концов торжествуют в рассказах И. Евдокимова.

Обращается писатель и к изображению деревенской жизни, видя здесь немало дикости, темноты и вражды («Кони», «Домовничанье», «Черная гряда», «Черт рогатый») и вместе с тем чистоты, смелости и верности чувств, веры в торжество жизнетворящих начал.

Изображение традиционного быта деревни, разлом жизни под напором революционных перемен давно привлекали писателя и определяли круг проблем широко задуманного повествования «Заозерье».

В 1924—1928 годах писатель работал над первыми двумя книгами трилогии, романом «Гнездо» и «Грозовые облака», а в 1929—1930 годах — над завершающим ее романом «Победа». В процессе работы повествование разрасталось, включая в себя изображение быта и нравов приозерных деревень, его родового гнезда кануна первой русской революции с рыбными промыслами крестьян, ярмарками, рекрутскими наборами, свадьбами, бытом соседнего монастыря, разорением дворянской усадьбы Шеинных, обогащением купца и заводчика Никуличева, революционизированием сознания рабочих стекольного завода и бумажной фабрики.

В второй книге трилогии события разворачиваются в тех же приозерных деревнях кануна первой мировой войны и крайнего разорения крестьянства во время этой войны. Краткость не оказалась родной сестрой таланта Евдокимова. Снова, как и в романе «Колокола», слишком большое место занимает изображение судеб угасающего дворянства. В новом романе к этому прибавилось преувеличенное внимание к монастырскому быту, к показу жизни растленных монахов, богатеющих купцов и фабрикантов с Уфтиоги и Рабанги, мелких деревенских лавочников, кабатчиков, шинкарей, владельцев постоянных дворов...

В этом романе, как никогда раньше, Евдокимов предстает бытописателем жизни северного крестьянства. Галерея образов крестьян здесь достаточно широка и представлена индивидуальностями разных поколений. Особенно живописны в романе массовые сцены — молодежные гуляния на Маур-горе, пестрая ярмарка с деревенским представлением «Царя Максимилиана», картины панорамно охваченного покоса, деревенской свадьбы, рыбной ловли и охоты на лося, сборов в торговом селе Новленском и рекрутских проводов...

Каждая книга трилогии давалась писателю с большим трудом, особенно завершающие ее части романа «Победа». Вводя читателя

в атмосферу тревожных дней ранней весны 1917 года, когда с разваливающихся фронтов мировой войны дезертировали и разбредались по родным заозерским избам солдаты, Иван Евдокимов тщательно выписывает пробуждение северного крестьянства, стихию его бунтарского дыхания между февралем и октябрем, сложные взаимоотношения с городом. Бушуют страсти и в Загорске — митинги, собрания, столкновения партий, черносотенное выступление толпы. Писателя интересует не только тревожная предоктябрьская осень в городе и деревнях, но и приход революционного Октября в глухие северные углы, трудное становление губкома, победа большевиков. Обстоятельно выписаны в романе весна и лето необыкновенного девятнадцатого года, особенности зарождения гражданской войны на Севере.

Непомерно разраставшееся повествование возвращали писателю, отказывались печатать. Правда, Вс. Иванов еще в начале 1930 года писал: «По-мосму, роман удачный и вполне достойный (если сократить начало, главным образом) напечатания в «Красной нови»¹. Редакторы альманаха «Земля и фабрика» Ф. Гладков и С. Обрадович считали, что многие страницы в романе Евдокимова «написаны блестяще (особенно крестьянские): борьба в деревне изображена очень ярко»². Но особую роль в судьбе завершающей трилогии Евдокимова книги суждено было сыграть А. Луначарскому, который не только высоко оценил произведение, отвел политические упреки в адрес автора, отметил недостатки романа, но и предложил свое понимание авторской позиции.

«Прочитанный мною роман Евдокимова, составляющий третью часть его трилогии, — писал А. Луначарский 16 апреля 1930 года, — доставил мне удовольствие при чтении. Он содержит в себе очень большой и сочный кусок революционной жизни. Насколько автору удалось, художественно обработав его, оставаться объективным? Насколько Евдокимов является субъективно и объективно правдивым свидетелем? Как сказать это? Для ответа нужно самому знать тот край в ту эпоху. Во всяком случае, все очень правдоподобно и убедительно. Такими свидетельствами цырыться нельзя. Роман, по моему мнению, должен быть издан. Художественно он сделан крепко, с хорошей добротной простотой. Человек умеет видеть внешнее и внутреннее, умеет и показывать... Взгляд его на крестьянство — несимволический. Можно горячо спорить с ним, а закрывать из-за этого путь его свидетельству — нельзя»³.

После трудного завершения трилогии «Заозерье», запоздалого прихода ее к читателю, неудачи преследовали Евдокимова. Поначалу он еще пытался как-то опереться на прежние свои успехи. В романе «Зеленая роща» (1931), в повести «Дорога» (1932), в автобиографическом повествовании «Портрет Василия Мещерина» (1934) писатель почти буквально повторял ситуации ранних своих рассказов («Зеленые горы», «В метель», «Пронькины проводы» и др.), а повесть «Сиверко» целиком включал в новое повествование и пытался продолжать судьбы ее героев. В романе «Архангельск» (1933) Евдокимов вновь искал пути изображения революции и гражданской войны на Севере, в романе «Жар-птица» (1936) возвращался к показу судеб рабочего класса уже в советское время, но былого успеха вернуть не удавалось.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 2, ед. хр. 61, л. 10об.

² Там же, л. 14—14об.

³ Там же, л. 14об.—15.

Критика не прощала писателю торопливости, неряшливости, небрежности письма, обрушилась на него за поверхностное изображение действительности. Почти каждое произведение Евдокимова этих лет оказывается взятым на придирчивый «критический прицел», а на его романы тут же наклеиваются категорические ярлыки — «вульгаризаторский», «великосветский», «фальсификаторский», «мертворожденная книга»¹. Один из последних романов обзывается в фельетонном раже — «клубничка «из пролетарской жизни» под названием «Жар-птица»².

Во второй половине тридцатых годов Евдокимов отходит от изображения революции и современности и вновь возвращается к проблемам русского искусства, разрабатывая жанр историко-биографического повествования о великих русских художниках.

Прокладывание путей к биографической повести начато было еще в середине двадцатых годов. Такая повесть в творчестве Евдокимова, правда, сложилась не сразу. Печать таланта безусловно лежала на первых же его очерках о Борисове-Мусатове и Врубеле. Образное восприятие героя, стремление создать живой его портрет сказывались уже тогда. В этом же ключе создается и книга «В. И. Суриков» (1933), увидевшая свет в одном из первых выпусков серии «Жизнь замечательных людей». Однако в процессе работы монографическое исследование все больше обретает облик художественного историко-биографического повествования. Эту новую работу, открывшую целый цикл его книг, автор назвал «Повесть о великом художнике» (1938). Вслед за ней созданы были повести «Репин» (1940), «Левитан» (1940), «Крамской» (1941). С этих пор основной его творческой задачей становится разработка портретов великих русских художников. Писатель стремится показывать своих героев в динамике развития характера, в связи со своим временем и средой, в окружении современников. И никогда не забывал он вскрывать народные корни таланта великих живописцев.

Евдокимов не просто следовал за историческими фактами, а обобщал процессы и явления русской живописи. Вдумчивый исследователь сочетался в нем с художником, влюбленным в героев своих повестей. В этих книгах писатель продолжал отстаивать национальную самобытность русского искусства, созданного великими сыновьями народа.

«Отличаясь огромным трудолюбием, большим жизненным опытом и настоящей, неподдельной любовью к искусству, — писали об Иване Евдокимове К. Трепев, В. Бахметьев, С. Сергеев-Ценский, А. Караваева, А. Платонов, — Иван Васильевич стремился давать в своих книгах широкую обобщающую картину жизни нашего народа. Страстный патриот, Иван Васильевич не уставал доказывать в своих романах и повестях самобытность и неисчерпаемую мощь русского народа, народа-созидателя, народа-творца, беззаветно преданного Родине... Нет сомнения, читатель всегда будет с интересом читать романы Евдокимова о великих русских художниках, утвер-

¹ Художественная литература, 1932, № 8, с. 23, 24 (Г. Севрук); 1934, № 7, с. 19, 20 (С. Уралова); Вечерняя Москва, 1932, 23 октября, № 246, с. 3 (В. Катанян); Звезда Севера. — Архангельск, 1934, № 1, с. 72 (Н. Л^еонтьев?).

² Лит. газета, 1936, 24 мая, № 30, с. 4.

дивших в мире немеркнущую славу русского национального самобытного искусства»¹.

Не суждено было Ивану Евдокимому слышать эти слова, такую высокую оценку своего труда последних лет. Уже шла война — великая, отечественная, народная. Уверенной рукой мастера дописывал Евдокимов последние страницы книги о Лермонтове, дописывал с убеждением, что знать великие образы своего прошлого необходимо новому поколению советских людей: «Лермонтова люблю и напишу с восхищением, которое к нему ношу в своем сердце»².

28 августа 1941 года писатель, имея намерение вступить в народное ополчение, выехал из-под дачной Истры в Москву, но в дороге скончался — остановилось давно больное, надорванное изнурительным трудом сердце. Близкие и друзья, остававшиеся в столице, похоронили Ивана Васильевича на Новодевичьем кладбище...

С тех пор минуло более четырех десятилетий и шесть десятилетий прошло с того времени, когда писатель покинул родные края, продолжавшие питать его творчество живительными соками и добрыми традициями исконной древней Руси. Связь времен в его книгах не рвется, а утверждается днем сегодняшним.

Из моего окна видны живописные поля, близкие перелески и дальние леса до самого теряющегося меж ними Куркина, а за полями в туманной дымке — извивающаяся лента реки Вологды, на которой не одну раннюю зорю встретил автор повести «Сиверко». За рекой — Молочное, где столько было пережито писателем, где рождались замыслы его первых книг, а рядом исхоженные им места — Ильинское, Марфино, Прибыtkово, Агафоново... Широкая полоса современного шоссе, теснитого лесами, вырывается к озеру Кубенскому, к деревням родового гнезда Ивана Евдокимова. Здесь еще в детстве встретил он не одно зеленое лето с ярким солнцем в синеве бездонного неба, слышал, как и я теперь, осенний клекот журавлей и думал, не заблудились ли они в бездорожном туманном небосводе... Верится, что творчество Ивана Евдокимова, не устававшего радоваться извечному весеннему обновлению жизни, будучи сегодня возвращенным читателю, не оставит его равнодушным.

Виктор ГУРА

---

¹ Лит. газета, 1941, 3 сентября, № 35, с. 4.

² ЦГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, ед. хр. 132, л. 76об.